

«сознательно культивировать строгость поэтической мысли, ее непоколебимую четкость — в поединке с разьедающим хаосом современности, в преодолении его изнутри, — начиная с механизмов собственного эстетического сознания» (Липовецкий М.— С. 255).

Соч.: Добавление к сопромату. М., 1990; Стихи. М., 1991; Инварианты. Екатеринбург, 1997.

Лит.: Липовецкий М. Ерься Еременко // Липовецкий М. Свободы черная работа. Свердловск, 1991; Курицын В. «Центровой» Еременко: (О поэзии А. Еременко) // Дружба народов. 1991. № 9; Жуков И. Поэтический мир Александра Еременко // Творчество писателя и лит. процесс. Иваново, 1991; Постникова Т. Александр Еременко // Постникова Т. Если ты носишь начало времени в ушах... М., 1995; Агеносов В., Анкудинов К. Совр. русские поэты. М., 1998; Богданова О. Совр. лит. процесс. СПб., 2001; Кулакова М. Сгорая, речь напоминает спирт... // Лит. газ. 2001. № 14. С. 10; Уланов А. Ожидающий дар // Дружба народов. 2003. № 2. С. 206.

А. И. Михайлов

ЕРМАКОВ Олег Николаевич [20.2.1961, Смоленск] — прозаик.

Работал лесником Баргузинского, затем Алтайского и Байкальского заповедников (1978–79). Был сотрудником районной газ. «Красное знамя» (1979–81), корреспондентом в смоленской областной газ. «Смена» (1983–85), сторожем, сотрудником Гидрометеоцентра (1985–89). Участник войны в Афганистане. После демобилизации окончил Смоленский педагогический ин-т, работал учителем. С 1989 — член СП СССР.

Война в Афганистане — ключевая тема творчества Е. Первые рассказы («Крещение», «Желтая гора») были опубликованы в ж. «Знамя» (1989, № 3). В них отражена судьба человека, прошедшего войну — от первого боя («Крещение») до одинокой и замкнутой жизни после войны («Желтая гора»).

«Афганские рассказы» («Весенняя прогулка», «Н-ская часть провела учения», «Зимой в Афганистане», «Марс и солдат», «Пир на берегу фиолетовой реки», «Занесенный снегом дом») также впервые были напечатаны в ж. «Знамя» (1989, № 10). Рассказ «Благополучное возвращение», продолжающий афганскую тему, появился в ж. «Новый мир» (1989, № 8). «Афганские рассказы» — это повествование о военных буднях и солдатском быте. Не приукрашивая жизнь людей, выполняющих «интернациональный долг», Е. создает антивоенные и антигероические произведения.

Фабула произведений Е.— это и описание военных событий, и один из последних дней, проведенных дома, юного допризывника («Весенняя прогулка»), и ожидание возвращения мужа с войны «на Востоке» («Занесенный снегом дом»). Символическая недосказанность и пунктирность стали главной худож. особенностью Е.

Важным сюжетным элементом «афганской прозы» Е. становится описание неуставных отношений. Герой Е. (как правило, рядовой разведроты) испытывает практически одинаковое чувство постоянной опасности по отношению и к «своим», и к «чужим»: «Рота двигалась вдоль холмов. Костомыгин услышал, как шедший рядом Опарин, как и он, зеленый „сынок“, звякнул пряжкой ремня и открутил крышку фляжки. Тут же раздался глухой удар, и Опарин налетел на Костомыгина. Костомыгин обернулся. Опарин, вобрав голову в плечи, продолжал шагать, торопливо надевая фляжку на ремень. Позади него крупно вышагивал высокий, длинноногий сержант Шварев. „Надо быть начеку“, — подумал Костомыгин, отворачиваясь» («Крещение»).

Описывая солдатскую жизнь, Е. в первую очередь уделяет внимание внутреннему состоянию человека, показывает неизбежность психологических изменений, с ним происходящих. «Афганские рассказы» отразили ключевые ситуации жизни на войне — страх перед опасностью, первый шок от жестокости врагов и старших товарищей, нравственный выбор (убить или не убить, сдаваться или не сдаваться в плен), постепенное привыкание к новым нормам жизни, желание все забыть и невозможность этого. Е. точно передал иерархию и тонкости армейских отношений, тоску по далекому «Союзу» и жгучее желание вернуться домой.

Лейтмотивами прозы Е. становятся мотив ожидания и мотив сна, отражающие психологическое состояние героев, создающие ощущение грусти и безысходности. Библейские образы и мотивы также стали неизменной составляющей рассказов Е.

Особое внимание Е. уделяет созданию пейзажа. В его рассказах «было непривычно много в сравнении со стилистическими предпочтениями времени откровенной поэзии, война при всей ее правдиво изображенной жестокости выглядела удивительно красивой, пахучей, пряной, и ради очередного пейзажа автор легко жертвовал сюжетной динамикой: чувствовалось, что цвет гор на закате или аромат афганских садов для него так же интересен и важен, как батальная сцена или анализ взаимоотношений „стариков“ и „молодых“» (Агеев А.— С. 199).

Роман Е. «**Знак зверя**» (Знамя. 1992. № 6, 7) был воспринят критиками как крупное лит. событие и принес автору широкую известность. В основу сюжета положено описание двух лет службы в Афганистане Глеба Свиридова. Последняя бессмысленная война умирающей «великой империи», на фоне которой герой превращается в рядового Черепаху, а потом дембеля Черепа, сопровождается символическими сюжетами-размышлениями о противостоянии Запада и Востока. Сны героя и образы Женщины и Утренней Коровы позволили критикам сравнить роман Е. со знаменитой книгой Ф. Ницше «Так говорил Заратустра».

По мнению А. Немзера, в романе «страшная фактура органично обрела символическое значение, сложно организованный многоходовой и многофактурный загадочный сюжет нес серьезную смысловую нагрузку, последовательно проведенная тема человеческой ответственности, безнадёжного поединка личности с тоталитарной системой, мировым злом, судьбой придавала „антивоенному“ роману метафизическое измерение». Была отмечена масштабность произведения. «Библейский по замаху замысел (недаром название и эпиграф взяты из Апокалипсиса) воплотился в виде лирического романа с метафизическим сюжетом о „приключениях души“ и „воспитании чувств“ нормального, хотя и несколько романтически настроенного советского подростка, которого судьба (или военкомат, что у нас одно и то же) на 2 года поместила в условия чистейшей, почти лабораторной „пограничной ситуации“» (Агеев А.— С. 200). В 1993 роман «Знак зверя» вошел в шорт-лист Букеровской премии.

Символическая связь времен, отраженная в композиционном делении произведения и библейских мотивах и образах, была положена в основу лирического повествования «**Фрески города Гороухщи**» (Знамя. 1993. № 6). История древнего города, которая освещается в сюжетных фрагментах-эпизодах, цитатах из Библии и вставных новеллах-молитвах — «Ладья Крестителя в небе», «Колос Смядины» и «Амфора Света», — осмысливается в повести как история всей страны. Изысканность стиля, активное использование метафорического языка, четко выраженное авторское «я» составляют худож. своеобразие философской повести-притчи: «И когда чистый, удивительный, младенчески нежный, нежданный первый снег окутал собор млечно-прозрачно плащаницей, и ветер вскружил багряные листья клена, подхватил, извил серую, истертую рукой звонаря пеньковую змейку, и язык самого маленького в колоколь-

ной грозди певуна качнулся, и серебряная игла скользнула в мерцающий снег, — я увидел: неведомая женская рука вышивала на прозрачной струящейся ткани воина в кленовом плаще и босого священника в черной ризе».

Мистицизмом проникнуты рассказы Е. «**Чаяпитие в преддверии**» (Новый мир. 1993. № 9), роман «**Единорог**» (Знамя. 1998. № 2), повесть «**Вариации**» и роман «**Свирель Вселенной**», 1-я часть которого — «Транссибирская пастораль» — была опубликована в 1997. Творческая эволюция писателя, выразившаяся в поисках новых жанров, форм и смене магистральной темы, не была принята критикой. По мнению А. Немзера, «попытки Ермакова сменить тему удачи не принесли — затянутый и невнятный роман „Свирель вселенной“ (публикация тянулась долго) вызывал сперва вежливое недоумение, а позднее — досаду».

Повесть «**Возвращение в Кандагар**» (Новый мир. 2004. № 2) была воспринята как «возвращение» Е. в лит-ру: «Главное событие повести — поездка в Россию героя, некогда воевавшего в составе „ограниченного контингента“, а потом оказавшегося чужаком в „родном“ Таджикистане, история эта живет при свете Афганистана. И в таком освещении естественно и нетривиально смотрятся и недолга бывших солдат, и таджикистанская смута, и обманчивая идиллия русской деревни, и далекое прошлое, и то будущее, которого не знают персонажи, но знают читатели» (Немзер А.— С. 5). Усилив конфликт между Западом и Востоком, Е. создал неоднородное по стилистике и композиции произведение, в котором «историческая одиссея» главного героя Ивана Костелянца тесно сплетена с жизнью в российской деревне «недоучившегося филолога» учителя Никитина.

Произведения Е. переведены на английский, венгерский, голландский, датский, итальянский, китайский, корейский, немецкий, финский, французский и японский яз. Е.— лауреат премии фонда «Знамя» (1995), член русского ПЕН-центра. Писатель живет и работает в Смоленске.

Соч.: Знак зверя: роман и рассказы. Смоленск, 1994; Запах пыли: роман, рассказы, повесть. Екатеринбург, 1997; Река: роман // Знамя. 1999. № 9; Свирель Вселенной: роман. СПб., 2002.

Лит.: Бакланов Г. [Предисл. к рассказам] // Знамя. 1989. № 3; Агеев А. Мерзкая плоть [Олег Ермаков и перспективы «афганской» лит-ры] // Знамя. 1993. № 4; Немзер А. [Аннотация к повести «Возвращение в Кандагар»] // Время новостей. 2004. № 33. 27 февр.

И. А. Тортунова